

Константин Томилов

Флибустьеры

16+

Константин Томилов

Флибустьеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67808619

SelfPub; 2022

Аннотация

Достойно ли называться истинным утверждение о том, что лишь путь безбрачного монашества является наиболее угодным Богу? Или же любовь к Нему может быть явлена во всяком земном служении и у каждого человека свой, только для него предначертанный путь? Ответы на эти вопросы пытается найти автор, вместе с героями, этого коротенького рассказа.

Константин Томилов

Флибустьеры

Посвящается всем, искренне решившим, прекратить "духовный разбой", кающимся грешникам.

Фантазия.

Толкование: фанта́зия (греч. φαντασία – «воображение») – это импровизация на заданную тему, ситуация, представляемая индивидом или группой, не соответствующая реальности, но выражающая их желания.

"Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам!"

Уильям Шекспир "Гамлет, принц Датский"

– Это серьёзно? – голос старшего помощника дрогнул, – насколько это серьёзно? – еле выдавил он из себя слова через полузадушенное страхом горло.

– Более чем серьёзно, сын мой, – то ли "по старой привычке", то ли действительно испытывая вдруг отеческие чувства к насмерть перепуганному молодому мужчине, ответил яростно пыхающий дымом капитан. Вытащив изо рта, обгрызанную, пышно дымящую трубку, махнул рукой перед лицом разгоняя клубящийся "табачный туман".

– Впервые, впервые за свою недолгую жизнь, я наблюдаю подобные "приготовления", – злобно-холодно процедил сквозь зубы однорукий, седой до желтизны старик, – уж более полувека я "брожу" по морям и океанам, думал, что всё уж повидал и ничем меня уже не удивишь, ан нет! – сплюнул он соплисто тягучую слюну в стоящую у его ног, наполовину наполненную песком бадью. Выбив, туда же, потухающую золу из трубки, засунул её в карман короткой курки и подёргав, ослабляя узел, шейный платок, снова пристально взгляделся в горизонт.

Море едва колыхалось безжизненной мёртвой зыбью, тёмно-серая вода казалась неподвижной как песок. Чудилось, что корабль рассекает волны с сухим гнетущим скрипом, как плетущаяся по пустыне огромная повозка. Багрово красное солнце, как бы с отвращением, закатывалось, опускалось в клубящиеся впереди смолянисто чёрные облака.

– Сатана готовится "дать бал", приглашает нас "потанцевать", – иронично хмыкнул капитан, кивком головы показывая на клубящиеся на горизонте тучи, роящиеся как будто они живые, похожие на несметные стада, неведомых лохматых хищников.

Старший помощник тяжело вдохнув и выдохнув липкий, неподвижно висящий, жаркий воздух, оглянулся назад и невольно вскричал:

– Солнце! Капитан, смотрите, там второе солнце!

– Это луна, Игнацио, – спокойно пробасил в ответ огля-

нувшийся на возглас старый "морской волк", – ну-ну, не смущайся, я и сам впервые вижу, чтобы "волчье солнышко", так было схоже с истинным светилом, – пристально всмотрелся он в диаметрально противоположное заходящему дневному, точь-в-точь, как отражённое в зеркале, похожее на него, такое же багрово красное, ночное.

– Капитан..., – начал было и запнулся, смутился помощник, – падре, отец Корнилио, если позволите мне Вас так, – дрожащим детским голоском продолжил несостоявшийся католический священник, – мы останемся живы? Переживём эту бурю? Просто, – зачастил словами, как бы оправдываясь за свой страх, – мне всё, кроме нашего корабля кажется ненастоящим, неживым. Как будто бы, за бортом всё мёртвое, как нарисованная картина.

Бывший иезуит, сняв шляпу и засунув её под обрубок левой руки, причесал, пригладил растопыренной пятернёй, липкие от пота, длинные седые космы. Снова надев головной убор, комковидный лоснящийся чёрный кусок ткани с разлохмаченными полями, задумчиво оглаживая длинную бороду несколько минут рассматривал суetyащихся на палубе матросов. Команда, с одеревенело осунувшимися лицами, послушно, непривычно не огрызаясь на "гавканье" боцмана, готовила корабль к Битве.

– За всех не могу сказать, – тихим и каким-то неземным голосом проговорил, покосившись на старшего помощника, капитан, – но ты, Игнацио, точно ещё поживёшь.

Молодой мужчина, оставивший на далёком берегу, горячо любящую его туземку, невенчанную жену с маленьким ребёнком, Услышав Откровение, почувал как пол под его ногами поплыл куда-то вбок, в сторону, и чтобы не упасть ухватился за туго натянутые снасти.

– Ну-ну, сын мой! – усмехнувшись продолжил обычным голосом капитан, – что-то рано тебя "заштормило", дьявол пока ещё не пригласил нашу Святую Селестину на "танец", – кивнул головой на венчающую нос корабля, деревянную статую пышногрудой римской матроны.

– Так что же, раз такое дело, – оглядел сам себя капитан, похлопав замызганную потрёпанную одежду, – поскольку приготовления к Делу почти закончены, – глянул он на на чисто оголённые, лишённые парусов корабельные снасти, – корабль как голый, – недовольно буркнул, посмотрев как матросы убирают в трюм снятые с рей паруса, – ну, а нам всем требуется переодеться в Парадное.

Гаркнув указание команде и придирчиво оглядев уже заранее, согласно его же приказу, одетого в свой лучший мундир старшего помощника, удовлетворённо кивнув головой, привычно косолапя, вразвалочку, удалился в каюту. Вышел из неё примерно через полчаса облачённый в абсолютно чёрную, новую монашескую сутану.

– А что?! Что вы на меня так вылупились?! – проорал он взойдя на мостик и обращаясь к раззявившей рты от удивления неровно кособоко выстроившейся внизу, на палубе, ко-

манде, – меня Господь этого Звания не лишал, – поправил он висящий на груди крест, – чтобы там не говорили эти церковные иерархи, эти фарисеи новозаветные.

– А теперь, слушайте сюда, подонки, свиньи бесстыжие, ублюдки безмозглые! Молчать! – "придавил" отдельные протестующие голоса, – то, что я сейчас говорю, я говорю прежде всего себе, так что и не думайте, что я считаю себя лучшим, чем вы! Я хуже вас, всех вместе взятых, в тысячу раз! Но, вы все обязаны беспрекословно подчиняться мне, если хотите сделать дело и вернуться домой. Ясно вам?!

Получив в ответ согласное "гудение" решивших навсегда покончить с морским разбоем "джентельменов удачи", продолжил:

– Все вы, вызвались на Это Дело добровольно, но только один я из вас всех знал на ЧТО мы идём. И это не есть обман, потому что каждый из вас догадывался, что прощение не будет даровано вам просто так! Когда мы, в Лиссабоне, загружали нашу "скорлупку", то некоторые из вас, придурков, решили, что в этих ящиках золото. Ослы безмозглые! Это из Нового Света везут золото в Старый, а не наоборот! Здесь, в трюме, под вашими ногами, находится Главное Сокровище из всего того, что есть в этом мире! В этих ящиках не золото, а свинец! Всё, что необходимо для напечатания Слова Божьего в тех местах куда мы направляемся! Теперь, а надеюсь, вы понимаете, насколько всё серьёзно?! – обвёл капитан посеревшие от страха, вытянувшиеся лица.

– Первое, что хочу сказать вам из того что вы должны накрепко усвоить на эту ночь: если, кто-либо из вас, посмеет хоть слово вякнуть жалуясь на свою судьбу и тем самым изрекая хулу на Господа нашего, лично отрежу ему язык, вы меня знаете; второе, даже мыслей себе не допускайте о том, что эта шхуна может затонуть! Никогда, ни при каких обстоятельствах, этого не произойдёт! Даже если все силы ада обрушатся на нас, мы должны, мы обязаны доставить Груз в Место Назначения! И третье, любая тварь которая, может вдруг извергнуться из этой морской пучины, и очутиться на палубе нашего корабля, должна быть убита, уничтожена недрогнувшей рукой. Не бойтесь и не ужасайтесь! С нами Бог! И все предстоящие нам испытания, ничто по сравнению в Гневом Его, если мы будем недостойны понести свой крест!

Сверху, из накрывающего корабль густого сумрака, потянуло струйками холода, падающими льдинками разбавляющего душно липкий тропический воздух. Расставленные по всему кораблю матросы первой смены, время от времени поёживались, то ли от резкого похолодания, то ли от надвигающегося ужаса. Вода за бортом стала мелко-мелко дрожать, как в сильно ударяемом сбоку ведре, и, как-то вдруг, "вскипела". Ад обрушился на "Святую Селестину" и снизу, и сверху.

Первое странное чудовище, осталось на палубе, после схлынувшей волны, уже после того, как вторая смена за-

ступила на вахту, сменив измученную непосильной борьбой первую.

– А вот и "гостинчик"! – как-то "обрадованно" и яростно взревел капитан, выхватывая из ножен тяжёлый штормовой тесак и первым бросаясь то ли к осьминогу, то ли к гигантской креветке.

Морские змеи, гигантские хищные "кальмары", разумные цепляющиеся за корабль крокодильими лапами "акулы", плачущие как маленькие дети и прекрасные как ангелы то ли русалки, то ли крылатые сирены, которые увидев направленное на них оружие мгновенно превращались в злобных гарпий, каких только чудовищ не послал в эту нескончаемую ночь лукавый на одинокое судёнышко. Бесы, щедро высыпаемые из "ящика Пандоры" унесли с собой в морскую пучину две трети команды корабля, перевозящего неудобный дьяволу груз.

– Хорошо у тебя здесь, – поёрзал в плетёном кресле капитан, оглядев укрытый в тропической зелени просторный тенистый дворик, – прям, почти как в раю. А вот и "Ева", – иронично хмыкнул увидав, издалека, недружелюбно поздоровавшуюся с ним жену Игнацио, – слышал повенчались вы с ней. Ну и правильно. Любит она тебя, дурака, сильно любит. Цени это...

– Я знаю, – попытался возразить счастливый супруг.

– Ты помалкивай, пока я говорю и тебя не спрашиваю, –

знакомо-властно оборвал его "привыкший командовать", – если б знал и ценил, то в ту экспедицию из которой ты еле живой вернулся, не попёрся бы. Она тогда чуть от горя не умерла, если б ты не выжил, то и её тоже сейчас на свете не было. Удивительно как любовь может человека поменять. Я же её ещё девчонкой, подростком помню. Такая дерзкая была. Никого из наших головорезов не боялась. Однажды, в таверне, где она выпивку разносила, один попытался её потискать, так она ему пол-уха откусила и его же ножом..., а впрочем, что я тебе это рассказываю, ты ж сам там был и за неё тогда...

– Да, мы тогда с ней и познакомились, – согласно кивнул, сбежавший из монастыря перед самым принятием сана, разочаровавшийся во всём и вся, духовно сломавшийся католик, улыбаясь встревоженно поглядывающей в их сторону женщине.

– Ага, ты за неё тогда вступился, и с тех пор "герой" для неё, хотя если б не я, то тебя тогда вместе с ней в момент бы уколошили, но тем не менее, она меня не любит, а тебя...

– Падре...

– Ладно, ладно. Всё нормально. Это же и хорошо, и правильно. И ты с ней рядом приличным человеком стал, и она из "тигрицы" в такую смиренную скромницу превратилась..., ну прям, монашка, по внешности, то есть.

– Бывает, прорывается из неё иногда. Сейчас всё реже и реже.

– Ну да, всё верно, а кто же сразу и бесповоротно от этого "излечивается" раз и навсегда? Сам то как?... Вот видишь... Знаешь, я когда, так же как и ты, веру "вдруг" утратил, от отчаяния чуть в петлю головой, как Иуда... Уже в сане тогда был, с миссией в Малой Азии. Там я её и встретил. Дочь сельского армянского священника. Как сейчас – это помню и чувствую, как наши взгляды встретились, и у меня сердце, как попавшая в силки птица, забилося. И у неё тоже, она сама мне позже об этом... Веришь, нет, плакал, руки ей целуя, и сам себя проклиная за взятые на себя обеты. А она мне возражала, говоря, что мои обеты ничто, потому что Ватикан уже тысячу лет ведёт свою паству не туда. И постепенно, всё больше и больше знакомясь с учением восточной церкви, я всё больше и больше убеждался, что она права. И почувствовал, что моя вера снова возвращается ко мне. И когда я окончательно понял, что Ватикан, сознательно или бессознательно, допустил искажение в Символе Веры, догматически принял положение о том, что Святой Дух исходит от Отца, и от Сына..., Господи, какая нелепость! Ведь всё же просто! Огонь возникает одновременно, – кивнул "святой отец", на открытый очаг вокруг которого суетилась хозяйка дома, готовя угощение для гостя и мужа, – но, так же, как от пламени исходит и свет, и тепло, так и от Отца исходит и Сын, и Дух Святой. Нам же не придёт в голову говорить, что тепло идёт и от пламени, и от света, а тут! Ай, да ну ладно! Одного я только не мог тогда понять, ну уж в нашем то ордене, не

так как в других, святые отцы высокообразованные интеллектуалы, они должны меня понять! И как только она меня не уговаривала, я решил, что смогу отстоять СВОЁ, как когда то Лютер... Обещал ей, что вернусь с победой и мы уже никогда не расстанемся... Ох, и дурак же я был! Известие о нападении турков на ту местность, настигло меня уже в пути, я бросился обратно, но опоздал, она умерла у меня на руках... Похоронив её, я снял сутану и взял в руки меч..., саблю, саблю конечно же, и ружьё, – иронично усмехнулся сам над собой, над своим высокопарным слогом, – так что, живи, Игнацио, люби свою жену, хоть и крещены вы оба, и повенчаны, не в совсем верном Христу церковном устройстве. Но да уж лучше так, чем совсем..., а там уж Он Сам с каждым отдельно...

– Как звали её?

– Ну, это уж нет, сын мой, Имя Её навсегда похоронено, и живёт только в моём сердце, и умрёт для этого мира вместе со мной, – прокряхтел вставая из кресла старик, – Найоми! – окликнул он, поспешно схватившую на руки ёрзающего вокруг неё трёхгодовалого ребёнка, смуглую круглолицую женщину, – я ухожу. Нет, нет, ужинайте без меня. Твой муж, отныне, навсегда остаётся здесь, губернатор назначил его..., ну-ну-ну, – обнял и прижал к себе дрожащую как в лихорадке, плачущую дочь Южной Америки, – чего ты? Перепугалась? Думала я его опять с собой? Нет уж, хватит. Если с ним что, кто тогда эту голодную ораву кормить будет? –

кивнул на лежащих в просторной корзине, просыпающихся и начинающих попискивать двойняшек, – а это ещё что?! – чуть отстранившись от неё и бесцеремонно ощупывая пухлый живот, – да ты никак опять?! Получив в ответ радостно согласную улыбку сквозь непрестанно текущие из глаз слёзы, успокоил:

– Ну, и правильно, ведь в конце концов, первая заповедь, которую Он человеку Сам, ещё в Самом Начале, до нашего грехопадения, дал: "плодитесь и размножайтесь".